

**ПЕРЕПИСКА А. А. ФЕТА
с М. Н. ЛОНГИНОВЫМ
(1857–1871)**

Публикация М. В. Трунина

Имя Михаила Николаевича Лонгинова (1823–1875) хорошо известно историкам русской литературы.¹ Однако в силу того, что его литера-

---

¹ Изучение деятельности и наследия Лонгинова началось в 1910-е — 1920-е гг. В 1915 г. под редакцией П. К. Симони вышел первый (и по сей день единственный) том собрания сочинений Лонгинова. Тот же Симони изучал библиографическую и библиофильскую деятельность Лонгинова, о чем в 1926 г. прочел доклад на заседании Ленинградского общества библиофилов (см.: *РНБ. Ф. 76* (А. Г. Биснек). № 65. Протокол заседания Ленинградского общества библиофилов № 45. 15 октября 1926 г.). В то же время была опубликована интереснейшая переписка Лонгинова с Некрасовым, Панаевым и Тургеневым (см.: *Шахматова С. А.* Переписка Тургенева с М. Н. Лонгиновым // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 137–212; *Яковлев Н. В.* 1) Письма И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову // Там же. С. 213–232; 2) Некрасов, Панаев и Лонгинов // Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома при РАН. Пг., 1922. С. 227–241). К. И. Чуковский при публикации пьесы Некрасова «Как убить вечер» снабдил ее вступительной статьей о Лонгинове как прототипе образа Миши (см.: *Некрасов Н. А.* Тонкий человек и другие неизданные произведения / Собрал и пояснил К. Чуковский. М., 1928. С. 271–287). Впоследствии советские литературоведы трактовали Лонгинова исключительно как «ренегата и обскуранта», серьезный исследовательский интерес к его фигуре и деятельности возродился только в 1990-е, когда стали появляться работы о Лонгинове как литераторе (таковы подготовленная А. М. Ранчиним подробно комментированная публикация некоторых, по преимуществу скабречно-бурлескных, текстов Лонгинова в альманахе «Лица» (М.; СПб., 1993. С. 389–456), снабженная обстоятельной вступительной заметкой, и его же статья в словаре «Русские писатели. 1800–1917» (Т. 3. С. 386–389); а также краткое жизнеописание Лонгинова: *Равич Л. М.* Михаил Лонгинов, библиофил и ученый // Книга: Исследования и материалы. М., 1996. Вып. 72. С. 160–197).

турная (и не только) деятельность была очень разнообразной, Лонгинов, как правило, представляется в каком-либо одном амплуа. Он — балагур и весельчак, один из главных авторов «чернокнижных вдохновений» в компании Дружинина, Некрасова и Панаева в 1850-е; он же — секретарь Общества любителей российской словесности, библиограф, исследователь XVIII века и один из главных пушкинистов своего времени;² он же — губернатор в Орле, ограничивавший деятельность земских учреждений в конце 1860-х; наконец, он же — руководитель цензуры, с именем которого связывают принятие жесточайших «Временных правил» в 1870-е. При этом Лонгинов, на протяжении жизни поддерживавший приятельские отношения практически со всеми значительными деятелями литературы, сам является важной фигурой при описании литературной ситуации 1850-х — 1870-х годов. Особенно если не ограничиваться анализом отдельных аспектов деятельности Лонгинова — библиографа, губернатора, цензора, а обратить внимание на его идейно-интеллектуальную эволюцию, рассмотренную в широком контексте эпохи.

В этой связи важной и крайне любопытной представляется тема отношений Лонгинова с литераторами его времени. Лучшая, на наш взгляд, попытка продемонстрировать их была предпринята С. А. Шахматовой, опубликовавшей переписку Лонгинова с И. С. Тургеневым (20 писем).³ Цель — осветить отношения Лонгинова и Фета — преследует и настоящая публикация писем поэта к библиографу.

Лонгинов и Фет познакомились в Петербурге в самом начале 1854 года,⁴ когда Фет вошел в кружок литераторов «Современника», одним из деятельных участников которого в то время был Лонгинов. Читаем в «Моих воспоминаниях» Фета: «Явившись к пяти часам, я был пред-

---

² Ср. хорошо известную в пушкинистике тетрадь Лонгинова—Полторацкого (1855–1856; см.: РГБ. Ф. 233 (С. Д. Полторацкий). К. 162. № 1) — рукописный сборник произведений Пушкина, не вошедших в издание Анненкова «Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии» (СПб., 1855–1857).

³ См.: Шахматова С. А. Переписка Тургенева с М. Н. Лонгиновым.

⁴ Ср.: «1854, 3–28 января. Фет в Петербурге. Знакомится с Некрасовым, И. И. Панаевым, А. Я. Панаевой и со всем литературным кружком „Современника“ (Дружинин, Гончаров, Анненков, М. А. Языков и др.), часто навещает Тургенева. В литературной жизни Фета наступает решительный перелом: он признан и принят в писательскую касту; члены касты единодушно увлечены и его „грациозной“ поэзией и своеобразием его личности, в которой усматривают непосредственность и „наивность“. Некрасов спешит залучить его в „исключительные“ сотрудники „Современника“. С ним конкурирует издатель „Отечественных записок“ А. А. Краевский» (Летопись. С. 302).

ставлен хозяйке дома Е. Я. Панаевой. Это была небольшого роста, не только безукоризненно красивая, но и привлекательная брюнетка. Ее любезность была не без оттенка кокетства. <...> Она говорила, что дамское общество ее утомляет и что у нее в гостях одни мужчины. Тут я, после долгих лет, встретил В. П. Боткина, по-прежнему обоюдоострого, т. е. одинаково умевшего быть нестерпимо резким и елейно сладким. Познакомился с А. В. Дружининым, который стал меня расспрашивать о моих теперешних однополчанах Щ<ербацки>х, с которыми он вместе воспитывался в Пажеском корпусе. С первого знакомства сошелся с веселым М. Н. Лонгиновым, сохранившим ко мне приязнь до своей смерти <...>.⁵ Эпитет «веселый» появляется не просто так: действительно, в 1850-е годы Лонгинов тесно общался с кругом Дружинина, Некрасова и Панаева и писал довольно много обценно-порнографических стихов. Вот что об этом же времени говорит А. В. Никитенко: «Там были Лонгинов, автор замечательных по форме, но отвратительных по цинизму стихотворений, Дружинин, Некрасов, Гаевский Виктор Павлович и т. д. После обеда завели самые скромные разговоры и читали некоторые из „Парголовских элегий“ во вкусе Баркова. Авторы их превзошли себя по цинизму образов в прекрасных стихах. Вот где теперь надо искать русскую поэзию! Неужели это весело, господа?».⁶ Об этом же, но в несколько ином тоне, вспоминает и Фет: «Нередко Дружинин и Лонгинов читали свои юмористические, превосходными стихами написанные, карикатурные поэмы. Забавнее всего, что в одной из таких поэм у Лонгинова в самом смешном и жалком виде человек, пробирающийся утром по петербургским улицам, был списан с Боткина. Всем хорошо был известен стих: „то Боткин был“. — А между тем сам Боткин пуще других хохотал над этим стихом, в котором при нем Лонгинов подставлял другое имя. <...> В нашем веселом кружке мне не случилось ни слова слышать об иностранной политике, которая меня в то время интересовала всего менее».⁷

Тем удивительнее, что упоминания Фетом Лонгинова в «Моих воспоминаниях» столь немногочисленны и в основном появляются в связи с шурином поэта — В. П. Боткиным.⁸ Вернувшись к радости друзей

⁵ *МВ.* Ч. 1. С. 32–33.

⁶ *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. / Подготовка текста, вступит. статья и примеч. И. Я. Айзенштока. М., 1955. Т. 1. 1826–1857. С. 355.

⁷ *МВ.* Ч. 1. С. 39–40.

⁸ Кроме приведенных фрагментов, имя Лонгинова встречается еще один раз во второй части воспоминаний поэта (*МВ.* Ч. 2. С. 279). Фет цитирует письмо Тургенева от 21 августа (2 сентября) 1873 г. (об этом см. далее).

М. Н. Лонгинов
Фотография. 1860-е гг.

в Петербург в 1856 году,⁹ Фет уже не мог застать там Лонгинова, так как тот в 1854 году переехал из Петербурга в Москву, где получил должность чиновника по особым поручениям при московском генерал-губернаторе (графе А. А. Закревском). Когда Фет вспоминает о своей женьитьбе и переезде в Москву в 1857 году,¹⁰ он не называет Лонгинова в числе своих близких знакомых жителей столицы: «За двенадцать лет, проведенных мною вне Москвы, все мои добрые знакомые, и литературные, и не литературные, из нее исчезли. Калайдовичевых, Глинок,

---

⁹ Ср. в «Моих воспоминаниях»: «...в первых числах января 1856 года, испросивши четырнадцатидневный отпуск, я однажды вечером растворил дверь в кабинет Некрасова и нежданно захватил здесь весь литературный кружок» (МВ. Ч. 1. С. 126), а также в «Летописи» за 1856 год: «**25 января — 7 февраля.** Фет в отпуску в Петербурге» (Летопись. С. 304).

¹⁰ Ср.: «**Сентябрь — декабрь <1857>**. Феты водворяются в Москве на новой квартире. У них организуются музыкальные „четверги“ (Е. С. Протопопова, Толстой, его брат Николай и сестра Мария, С. В. Энгельгардт и др.). Сближение Фета с братьями Толстыми. Общение с кружком П. Л. Пиккулина (Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш и др.)» (Летопись. С. 308).

Павловых, семейства Герцена, прелестной четы Полуденских — в Москве более не было: они невозвратно исчезли».¹¹ Публикуемые письма (за исключением последних трех) относятся как раз к московскому периоду жизни Лонгинова и Фета и подтверждают то, что отношения поэта и библиографа продолжали быть приятельскими.

Особого интереса заслуживает совместное участие Лонгинова и Фета в делах Литературного фонда на раннем этапе его функционирования, зафиксированное в «Летописи Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым»,¹² где единственное упоминание имени Фета связано с организацией благотворительных чтений в Москве в феврале 1860 года.¹³ Деятельность Фета была отмечена также в хронике журнала «Светоч»: «Заседания Общества продолжаются своим порядком и пособия, кому следует, назначаются и выдаются. В тринадцатом Комитет предложил объявить благодарность: <...> гг. Фету, А. Н. Островскому и М. Я. Китарры — за деятельное участие вместе с И. С. Тургеневым и хлопоты их для устройства литературного чтения в Москве».¹⁴ Многие для организации этого чтения сделал и Лонгинов. Вообще в начальный период существования Литературного фонда Лонгинов принимал в нем активное участие: основание и дела этой организации обсуждаются в переписке с Панаевым и Дружининым.¹⁵ Инициатива, по всей видимости, была обоюдной, точнее Фет, по словам самого Лонгинова, передал ему просьбу Тургенева организовать чтения в Москве, после чего Лонгинов занялся их организацией. В «Московских ведомостях» он пишет: «...я <...> согласился принять участие в устройстве чтения, когда, помнится, в четверг, 21-го января, приехал ко мне А. А. Фет

¹¹ МВ. Ч. 1. С. 187.

¹² Ретинский Г. К., Скабичевский А. М. Летопись Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 г. // XXV лет. 1859–1884. Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. Далее ссылки на это издание: *Летопись ЛФ*, с указанием страницы.

¹³ «Первое литературное чтение происходило 10-го января 1860 года, в зале Пассажа, <...> а второе 6-го февраля. <...> 12-го и 15-го марта М. М. Стасюлевич прочел публичные лекции о Марке Аврелии Философе (в Петербурге. — М. Т.). В то же время, при содействии А. А. Фета, А. Н. Островского, М. Н. Лонгинова, М. Я. Китарры, Н. А. Основского и И. С. Тургенева, в Москве также было устроено чтение» (*Летопись ЛФ*. С. 5–6).

¹⁴ Светоч. 1860. Кн. 3. С. 59–60 (4-й паг).

¹⁵ См.: Яковлев Н. В. Письма И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову. С. 232; РГАЛИ. Ф. 167 (А. В. Дружинин). Оп. 3. № 270. В «Летописи» Литфонда также встречаем имя Лонгинова рядом с именем Фета.

и предложил мне, чтобы я оказал содействие в этом чтении <...> от лица И. С. Тургенева, незадолго до того приехавшего в Москву».¹⁶ Однако более любопытной представляется история разрыва Фета и Лонгинова с Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

Причины выхода Фета из Литературного фонда были детально проанализированы М. С. Макеевым в его недавней статье.¹⁷ Исследователь убедительно показывает, что отказ Фета от участия в делах Общества был вызван не индивидуализмом, скупостью или равнодушием поэта-хозяина, а являлся принципиальным поступком. Макеев приводит два главных фетовских основания. Во-первых, Фету претила стратегия «поощрения на бездоходный труд», то есть поддержки тех, кто, не будучи способен прокормиться своей нынешней профессией, не хочет отказаться от нее и заняться чем-то более доходным.¹⁸ Но главное, что раздражало Фета, — это эволюция отношения к писательскому труду в Литературном фонде. При основании этой благотворительной организации Дружининым четко декларировалось предпочтение заслуженных писателей перед молодыми.¹⁹ «Однако, — как отмечает Макеев, —

¹⁶ *МВед.* 1860. 12 февраля. № 34. С. 261.

¹⁷ Макеев М. С. «Литературное насекомое» или «честный бедняк сочинитель»? О причинах выхода А. А. Фета из Литературного фонда // *РЛ.* 2009 № 4. С. 106–115. Следует отметить, что Фет вышел из Общества гораздо раньше 1871 года, указанного исследователем (С. 106–107). По состоянию на май 1868 г. Фет уже 7 лет не платил членские взносы, а в письме от 2 июля на имя помощника председателя Общества А. П. Заблоцкого-Десятовского официально подтвердил свой выход из Литературного фонда (оба документа помещены в приложении к настоящей публикации). За это ценное указание приношу благодарность Ирине Александровне Кузьминой. Стоит добавить, что в том же 1868 г., только месяцем ранее, аналогичное отношение из Литературного фонда получил и Лонгинов. Его ответ был так же однозначен (см. далее).

¹⁸ Там же. С. 107–108.

¹⁹ Этот вопрос сразу очень волновал Фета. Ср. его письмо к Дружинину от 24 октября ст. ст. 1859 г.: «Кто будет верить правильное употребление капитала, и что значит слово литератор? Если оно значит поэт, ученый, — прекрасно. Если же оно значит отставной фельетонист, то пусть он идет в хожалые или извозчики, ибо я лично только порадуюсь исчезновению с лица литературного подобно-го насекомого. Вот, например, наш брат и собрат Полонский. Если возможно общими силами помочь ему, то я буду из первых готовым на такое справедливое дело; но если речь идет о компиляторах и фельетонистах прихвостинских, Закурдало-Черново-Пресвитеренко, Розенштерно-Клогенфуте и т. п., то имейте мя отреченна и делайте, что хотите» (Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова (Летописи Государственного литературного музея. Кн. 9). М., 1948. С. 343).

практически с самого начала работы Литературного фонда его Комитет сознательно изменил этому принципу и стал выдавать мелкие пособия незначительным писателям, испытывавшим материальные трудности»,²⁰ что напрямую связано с пониманием просвещения как массового явления, требующего увеличения писательского штата. Такое понимание литературы было неприемлемо для Фета.

Любопытно, что подобного рода эволюцию претерпел и Лонгинов, официально порвавший с Литературным фондом, как и Фет, в 1868 году. Дата устанавливается довольно точно благодаря письму из Литфонда, сохранившемуся в *РГАЛИ*, на обороте которого написан ответ рукой Лонгинова. В апреле 1868 года Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым предложило Лонгинову (в то время уже губернатору в Орле) уплатить в фонд недоимку за восемь лет. Дело в том, что в это время в Литфонде проводилась масштабная проверка, результат которой принес успех: «...с окончанием предпринятой еще в 1866 году работы по проверке списка членов, их оказалось лишь 302. Из остальных 443-х одни оказались умершими, другие или сложили с себя звание членов, или не дали отзыва на напоминание Комитета о вносе числившейся на них недоимки, или, наконец, неизвестно где находились, и Комитет не мог снести с ними. Хлопоты Комитета по проверке списка и по рассылке членам напоминаний имели последствием еще то, что вместо 95, как это было в 1867 г., число членов, уплативших свои взносы, простиралось уже до 251, и самая цифра взносов равнялась 9242 р. Многие внесли платежи за несколько лет; другие, слагая с себя звание члена Общества, сочли обязанностью сделать в его пользу приношения и, наконец, некоторые внесли плату в 100 р.».²¹ Лонгинов, по всей видимости, не относился к тем «многим». Его ответ был категоричен: «Я не считал себя вовсе в числе членов, еще живя в Москве, а тем более не считаю себя таковым теперь, о чем и имею честь уведомить Общество».²² Как мы можем судить из переписки Лонгинова с Панаевым и Дружининым, а также из «Летописи» Литфонда, это не соответствует действительности. И, что крайне интересно, — причины разрыва Лонгинова сродни фетовским.²³ Во-первых, «поощрение на бездоходный

²⁰ *Макеев М. С.* «Литературное насекомое» или «честный бедняк сочинитель»?.. С. 114.

²¹ *Летопись ЛФ.* С. 68–69.

²² *РГАЛИ.* Ф. 299 (Лонгиновы). Оп. 1. № 23. Л. 3.

²³ Конечно, не считая скандала, разразившегося в начале 1860 г. между Лонгиновым, тогда секретарем Общества любителей российской словесности, и писателем И. В. Селивановым. Селиванов предложил Обществу любителей российской

труд», столь же неприемлемое для Лонгинова, никогда не оставлявшего государственной службы и сделавшего литературную деятельность увлечением, а не источником дохода.²⁴ Но основной, на наш взгляд, причиной выхода из Литературного фонда для Лонгинова послужило то же отношение к труду писателя или ученого — студент или начинающий литератор не должен получать деньги только за то, что он таковым является. Сначала нужно доказать, что ты действительно талантлив. Бедность неталантливому писателю или ученому — это не объект сочувствия, а знак того, что ему не должно быть писателем или ученым. Через полгода после выхода из означенной благотворительной организации Лонгинов написал письмо М. П. Погодину, касающееся стипендий, получаемых студентами университетов. В нем он последовательно изложил свою точку зрения:

...в мое время <...> о стипендиях <...> и помину почти не было. Жили эти молодые люди, трудясь и отказывая себе во многом, приходили в Университет прилично одетые, и никакой разницы не бывало и тогда в стенах его (не во гнев нынешним демократам, поносящим все наше прошлое), между наследником 200000 рублей годового дохода и недавним питомцем гатчинского Воспитательного дома. <...> Но повторяю: хороший и занимавшийся хорошо парень был между товарищами особою уважаемою. Вскоре после поступления в студенты мы забывали, кто откуда пришел или приехал на вступительный экзамен. Поощрений денежных почти никто не получал.

Теперь опять-таки не то. Кроме денег, выдаваемых на руки студентам, которые в наше время поступили бы в казенные, существует бесчисленное количество стипендий, завещаемых, жертвуемых, собираемых по подпискам и пр. и пр. <...> Говорят, что теперешняя учащаяся молодежь, получающая стипендии, очень занята вопросом о том, как бы с низшей попасть на высшую и т. д. Говорят даже, будто иные не пошли бы в студенты, если бы не имели в виду стипендии.²⁵ <...> Но не лучше ли прежний порядок вещей, при котором молодежь училась (и конеч-

---

словесности устроить литературные чтения для сбора средств в пользу только что основанного в Петербурге Литературного фонда. Общество любителей российской словесности категорически отвергло это предложение, мотивировав это тем, что литературно-ученое общество не может брать платы за вход и организация подобных чтений — прямое дело Литфонда (ход полемики см.: *МВед.* 1860. № 32, 34, 60, 65, 66, 69, 80, 82). Однако, как нам известно, в это же время Лонгинов занимается организацией чтений в пользу нуждающихся литераторов в Москве от имени Литфонда, из которого выйдет не после скандала в 1860, а только в 1868 г.

²⁴ Ср.: «Лонгинов помещал свои статьи <...> безвозмездно, что было не столь уж распространенным явлением» (*Равич Л. М.* Михаил Лонгинов, библиофил и ученый. С. 189).

²⁵ Это предложение вписано.

но уж, не хуже нынешнего), не помышляя о получении как бы премии за то, что учится. <...>

М. г. скажут на это, может быть, что зато теперь и число студентов удвоилось или еще более умножилось против прежнего. Согласен; но ведь заботы о получении стипендий и повышениях по их лестнице распространены не между этим излишком студентов, а между всею массою учащихся. Признаюсь, что такая примесь к прежним помышлениям и вожделям большей части учащейся молодежи вовсе не утешительна. Она не может не ронять достоинства науки и не развращать до известной степени нравственного чувства и любви к ней в учащихся. <...> Дело не в том, чтобы университетские курсы слушались наибольшим числом молодых людей, а в том, чтобы для учащихся наука не только стояла на первом плане, а была бы святыней, единственною целью их стремлений. <...> Иначе, что лучше: качество или количество?²⁶

Как представляется, эти размышления навеяны Лонгинову деятельностью Литфонда, который, кроме вспоможения писателям, занимался поддержкой нуждающихся студентов и выдачей им стипендий, — его «Летопись» пестрит сообщениями об этом. Рассуждения же Лонгинова сродни представлениям Фета, для которого литература, по наблюдению современного исследователя, — «поле деятельности литературных „насекомых“, переименованных в „честных бедняков сочинителей“, плодящая и материально поддерживающая бесполезных „учителей“ и „просветителей“ для тех, кто не нуждается в учителях и их просвещении».²⁷

Такая позиция сближала Фета и Лонгинова, противопоставляя их практически всей современной им литературе. Однако если за Фетом к концу 1860-х годов уже закрепилась слава большого поэта, то Лонгинову не оставалось ничего, как снискать репутацию «библиографа-гробкопателя», «обскуранта и реакционера», в молодости балагурившего и баловавшегося фривольными стишками. Вот что, к примеру, на эту тему записывает Никитенко в своем дневнике в 1871 году: «Лонгинова иначе не называют в публике, как Мишкою Лонгиновым. Он никогда не пользовался ни малейшим уважением в обществе. Репутация его была всегда репутацией непристойного весельчака, крикуна, человека, не способного ни к какому серьезному делу. В литературе он известен как собиратель разных исторических и литературных мелочей».²⁸

Одним из главных «недовольных» оказался в 1870-е И. С. Тургенев — близкий друг Фета и Лонгинова в 1850-е. Долгие и сложные отношения

²⁶ РГБ. Ф. 231 (М. П. Погодин). К. 30. № 32.

²⁷ *Макеев М. С.* «Литературное насекомое» или «честный бедняк сочинитель»?.. С. 115.

²⁸ *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 3. С. 217.

Фета и Тургенева, конечно, — отдельная огромная тема.²⁹ Примечательно, что имя Лонгинова оказалось замешанным в истории конфликта между Тургеневым и Фетом в конце 1874 года, повлекшего за собой разрыв отношений.

С момента назначения Лонгинова на пост начальника Главного управления по делам печати недовольство им Тургенева решительно крепнет,³⁰ о чем он неизменно сообщает Фету в письмах:

8 (20) января 1872. Париж

Прочли ли Вы статью К. Арсеньева, за которую «Вестник Европы» получил столь восхитившее Вас предостережение? Конечно нет; а то бы Вы увидели, что более дельной, серьезной, благонамеренной, антикоммунистической, прямо сказать, консерваторской в лучшем смысле слова статьи представить себе нельзя — и это предостережение может объясниться только тем, что французы называют «infatuation» («безумное пристрастие». — *франц.*), блистательный пример которой является нам в назначении М. Лонгинова! <...> Надеюсь, что Вы весело прожили в Москве, и «люблю думать», как говорят французы, что Вы не слишком нанюхались катковского прелого духа.³¹

21 августа (2 сентября) 1873. Буживаль

Рекомендация Ваша М. Н. Лонгинову при его отъезде из Орла возымела свое действие: «Вестник Европы» получил второе предостережение. То-то Вы порадуетесь, когда этот честный, умеренный, монархический орган будет прекращен за радикализм и революционерство.³²

13 (25) сентября 1873. Ноан

---

²⁹ См., напр.: *Гутьяр Н. М.* Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907. Гл. И. С. Тургенев и А. А. Фет. С. 301–326; *Благой Д. Д.* Тургенев — редактор Фета // Печать и революция. 1923. Кн. 3. С. 45–64; *Бухштаб Б. Я.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // *ЛН*. Т. 22–24. С. 561–602; *Лотман Л. М.* Тургенев и Фет // Тургенев и его современники. Л., 1977; С. 39–42; *Курляндская Г. Б.* Тургенев и Фет // *Фетовские чтения (1985)*. С. 46–63; *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. Гл. Тургенев и Фет. Незавершенный спор. С. 351–453 и многие др.

³⁰ Впоследствии именно Лонгинов станет одним из прототипов образа Калломейцева — оголтелого консерватора и реакционера — в романе «Новь». Об этом кратко упомянула Н. Ф. Буданова в своей книге «Роман И. С. Тургенева „Новь“ и революционное народничество 1870-х годов» (Л., 1983. С. 113). Подробнее см.: *Трунин М. В.* «Со всей ехидностью ренегата», или М. Н. Лонгинов как главный прототип образа Калломейцева в романе И. С. Тургенева «Новь» // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2010. № 4. С. 92–100.

³¹ *Тургенев. Письма*. Т. 11. С. 198.

³² Там же. Т. 12. С. 210. Это письмо Фет опубликовал в «Моих воспоминаниях» (МВ. Ч. 2. С. 279).

...мне претит Катков, *баденские* генералы, военщина и т. д. Об этом, как о запахах и вкусах, спорить нельзя. Вы, напр., обвиняя меня в несправедливости, уверяете, что со *смехом* говорили об этом М. Н. Лонгинову; а я бы скорее сознался в воровстве, чем в факте веселого разговора с таким сугубым мерзавцем. Тут ничего не поделаешь.³³

Наконец, разрыв, формальным поводом для которого послужило письмо Полонского,³⁴ Тургенев мотивировал следующими причинами: «...полагаю лучшим прекратить наши отношения, которые уже и так, по разности наших воззрений, не имеют „*raison d'être*“ («разумного основания»). — *франц.*) Признаюсь, я не вижу, что может быть общего между мною и *мировым судьёю*, который серьезно упрекает *здоровенных* мужиков, зачем они *не отбили концом дуги печенок у пойманного вора* — и даже хвастается этим, словно не понимая безобразия своих слов.

Откланиваюсь Вам не без некоторого чувства печали, которое относится, впрочем, исключительно к прошедшему — желаю Вам всех возможных благ и преуспения в обществе гг. Маркевичей, Катковых и других *ejusdem farinae* (из того же теста. — *лат.*)».³⁵

Как представляется, одним из «*ejusdem farinae*», в частности, и являлся приятель Фета Лонгинов, столь ненавистный в это время Тургеневу.

В свою очередь, о дружеских отношениях Лонгинова и Фета в 1870-е годы говорит сохранившаяся поэтическая переписка между ними, опубликованная Б. Я. Бухштабом. Это шуточное стихотворное послание Фета «М. Н. Лонгинову» («Я был у Кача и Орбека...»), датированное 2 июля 1871 года, и такой же ответ на него «Афанасию Афа-

³³ Тургенев. Письма. Т. 12. С. 221.

³⁴ Комментаторам академического собрания сочинений Тургенева обнаружить это письмо не удалось, возможно, оно хранится в той части парижского архива писателя, которая остается недоступной исследователям. Сам Фет впоследствии вспоминал: «Передав Страхову о черной кошке между мною и Тургеневым, пробежавшей по поводу письма Полонского, я просил Ник<олая> Ник<олаевича> объяснить Полонскому, что мне неловко с оскорблением в душе по-прежнему чистосердечно жать ему руку. Последовало со стороны Полонского объяснение, что никогда он не писал слов в приписанном им Тургеневым смысле. При этом Яков Петрович сказал: „Впрочем я мог бы много с своей стороны выставить таких тургеневских выходов!“» (МВ. Ч. 2. С. 399).

³⁵ Тургенев. Письма. Т. 13. С. 228–229. Письмо Фету из Парижа от 28 ноября (10 декабря) 1874 г. С купюрами опубликовано Фетом в «Моих воспоминаниях» (МВ. Ч. 2. С. 302–303). В частности, опущен пассаж про «*здоровенных* мужиков», а латинское выражение «*ejusdem farinae*» заменено на «и т. п.».

насиевичу Фету по получении его стихов с возвращением двух рублей», написанное тремя неделями позже — 25 июля того же года.³⁶ Несмотря на то, что «круг людей, с которыми Фет общается в 60-е — 70-е годы, почти ограничен жителями Мценского уезда»,³⁷ отношения Фета и Лонгинова продолжались, так как означенный уезд находился в Орловской губернии и был подведомствен Лонгинову. Поэтическая переписка, по всей видимости, обыгрывает реальную ситуацию: орловский губернатор (кстати, незадолго до истечения своих полномочий; Лонгинов получает должность начальника Главного управления по делам печати и переезжает в Петербург в октябре 1871 года) заказывает Фету из Москвы чернила марки Plessy.³⁸ Однако в этой поэтической переписке интересно не столько содержание, сколько форма, которую Фет, а вслед за ним и Лонгинов выбирают для своих стихотворений. Оба они написаны разноstopниками — чередованием четырех- и двухstopных ямбов с перекрестными мужскими и женскими рифмами (Я4/2 жмжм). Именно в это время «комическое обыгрывание контраста длинных и коротких строк становится обычным приемом».³⁹ Таким размером, а также чуть удлиненным, близким к нему, Я5/2 жмжм писались по преимуществу серьезные любовные стихотворения.⁴⁰ Одно такое стихотворение — «О, не зови! Страстей твоих так звонок...» — в молодости сочинил Фет, о чем почти через сорок лет вспоминал: «Всего забавнее выходило толкование стихотворения:

„О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык“...

³⁶ См.: *ПССМ 1959*. С. 515, 813. Впервые опубликовано: *ПССМ 1937*. С. 419, 746. Рукопись стихотворения Лонгинова: *РГАЛИ*. Ф. 515 (А. А. Фет). Оп. 1. № 82.

³⁷ *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет // *ПССМ 1959*. С. 21.

³⁸ Фет едет в Москву в ноябре 1870 г. за доктором в связи с болезнью жены. В начале 1871 г. тяжело заболевает близкий друг Фета И. П. Борисов, который умирает в середине мая того же года. По всей видимости, из-за семейных хлопот Фет не мог раньше встретиться с Лонгиновым.

³⁹ *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 177.

⁴⁰ См., напр.: «Близость любовников» Дельвига (перевод из Гёте); «Песня» («Когда взойдет денница золотая...») и «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...» Баратынского; «Луна плывет высоко над землею...» И. С. Тургенева; «К Лавинии» («Что не тогда явились в мир мы с вами...») Ап. Григорьева; а также «И у меня был край родной когда-то...» и «Когда кругом безмолвен лес дремучий...» А. К. Толстого, стоит вспомнить его же прутковскую пародию «К моему портрету» («Когда в толпе ты встретишь человека...»).

— кончающегося стихами:

„И не зови, но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу
И за тобой!“

Каждый, прислушиваясь к целому стихотворению, чувствовал заключающуюся в нем поэтическую правду, и она нравилась ему, как гастроному вкусное блюдо, составных частей которого он определить не умеет. <...> среди десятка толкователей, исключительно обладавших высшим эстетическим вкусом, не нашлось ни одного, способного самобытно разъяснить смысл стихотворения <...>. А кажется легко было понять, что человек влюбленный говорит не о своих намерениях следовать или не следовать за очаровательницей, а только о ее власти над ним». ⁴¹ Возможно, выбранный Фетом для дружеского послания разно-
стопный размер должен был навеять Лонгинову в 1871 году воспоминания об их петербургской молодости.

Письма публикуются по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (№ 23300 и № 23394), с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации. В Приложениях к настоящей публикации помещены письма к Фету и Лонгинову из Литературного фонда и ответы, написанные на оборотах писем. Приложение I подготовлено М. В. Труниным, Приложение II — И. А. Кузьминой.

1

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

28 апреля 1857 г. Москва

Многоуважаемый Михайло Николаевич!

Только что вчера воротился я из Питера и до середины не в состоянии располагать собою; но тем не менее прошу Вас дать мне знать по градской почте, когда и где начиная с середины я могу Вас видеть.

Жму усердно Вашу руку.

А. Фет.

---

⁴¹ *МВ.* Ч. 1. С. 127–128.

Кажется
28 апреля.
Немецкая слобода.
Дом гр. Шувалова.¹

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 23300. Л. 3.

Год устанавливается на основании адреса, указанного Фетом (см. примеч. 1), и по связи с письмами 2, 3 и 4.

¹ В «довольно удобной квартире» (*МВ*. Ч. 1. С. 187) в доме гр. Шувалова на Новой Басманной Фет поселился по приезду в Москву в марте 1857 г., устроив сестру Н. А. Шеншину в клинику В. И. Красовского, располагавшуюся на той же улице, и прожил там до июня, когда была нанята квартира на Малой Полянке (см. примеч. 4 к письму 4). Лонгинов в это время постоянно живет в Москве. В Москве Фет сходится с семьей Боткиных и вскоре делает предложение сестре В. П. Боткина Марии Петровне (*Летопись*. С. 306–307).

2

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

2 мая 1857 г. Москва

Что за дикая судьба моего к Вам приезда, добрейший Михаил Николаевич! Я уже радовался завтрашнему дню, а вчера вечером получил казенный конверт, требующий моего явления в Петербурге 3-го мая¹ в 10 часов утра. Что прикажете делать? Сейчас скачу и буду назад не раньше воскресенья и снова дам Вам знать о приезде.

Душевно преданный А. Фет.

2 мая.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 23300. Л. 1.

Год устанавливается на основании содержания письма и по связи с письмами 1, 3 и 4.

¹ Поездка в Петербург, возможно, была связана с хлопотами об отпуске, который нужен был Фету для ухода за больной сестрой Н. А. Шеншиной. В начале августа Фет собирался везти ее для лечения в Бонн, однако эта поездка не состоялась (см. п. Фета к В. П. Боткину от 16 (28) мая 1857 г.: *Переписка с Боткиным*. С. 189 и примеч. 10 к нему).

3

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

5 мая 1857 г. Москва

Опять только что возвратился из Петербурга и надеюсь на этот раз поклониться Вам, без тревог со стороны службы.¹ Итак, до приятной встречи, добрейший Михаил Николаевич!

Искренно преданный Вам А. Фет.

5-го мая.

Воскресенье.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 23300. Л. 5.

Год устанавливается на основании содержания письма и по связи с письмами 1, 2 и 4.

¹ Возможно, намек на скорейшее намерение Фета выйти в бессрочный отпуск, куда поэт увольняется 3 июня 1857 г. (*Летопись*. С. 307).

4

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

23 июня 1857 г. Москва

Многоуважаемый Михаил Николаевич!

Я в таких попыхах все время, что решительно не мог доставить себе удовольствия побывать у Вас. Тем не менее пришло время осуществить Ваше обязательное обещание написать к Вашему знакомому в Инспекторский департамент¹ Военн<ого> министерства касательно моего прошения о заграничном отпуске.² Об нем мое прошение послано в Департамент из Ордонансагуза,³ т. е. от московского коменданта на этой неделе. Будьте так обязательны, напишите два слова о скорейшем ходе этого дела или, лучше сказать, о возможном его ускорении. Я теперь переменил квартиру и поселяюсь за Москва-рекой на Мал<ой> Полянке у Петра и Павла в доме г-жи Сердобинской.⁴ Еще раз повторяю мою покорнейшую просьбу. Завтра еду в Вышний Волочек, а по приезде непременно явлюсь к Вам лично. Будьте здоровы.

Преданный Вам А. Фет.

23 июня.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 23300. Л. 7–7 об.

Год устанавливается на основании содержания письма и по связи с письмами 1, 2 и 3.

¹ *Инспекторский департамент* Военного министерства был образован в 1812 г. и просуществовал до 1865 г., когда его функции были переданы Главному штабу, ведал личным составом и комплектованием армии, учетом численности, расквартированием и инспектированием войск.

² В середине мая 1857 г. М. П. Боткина уехала за границу, сопровождая больную сестру Е. П. Шукину для лечения на водах (*Летопись*. С. 307). Фет собирался ехать за ней и в связи с этим, по всей видимости, обратился к Лонгинову, с 1854 г. служившему в Москве чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Закревском, посодействовать скорейшему разрешению его дела. По всей видимости, Лонгинов оказал Фету помощь, так как в конце июля — начале августа 1857 г. поэт выехал за границу к невесте (Там же).

³ *Ордонансгауз* — от франц. *ordonnance* (приказание, распоряжение) и нем. *Hauss* (дом) — дом военного управления. Прежнее название комендантских управлений.

⁴ Во второй половине июня 1857 г., после сватовства и увольнения в бессрочный отпуск, Фет нанял и занимался обустройством большой квартиры в Москве на Малой Полянке в доме Сердобинской (не сохранился) (*Летопись*. С. 307). «Долго искал я подходящей квартиры, — вспоминал об этом сам поэт, — и, наконец, нашел за Москвою-рекою на Полянке целый просторный и, можно сказать, великолепный бельэтаж, требовавший, правда, некоторых поправок <...>» (*МВ*. Ч. 1. С. 195).

5

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

Сентябрь 1857 г. — 1860 г. (?) Москва

Добрейший Михаил Николаевич!

Чувствую, как много виноват перед Вами, — собираясь к Вам ежедневно и не улучив до сих пор свободного утра. Еще бессовестней с моей стороны беспокоить Вас просьбами. Сделайте милость, одолжите мне на один день «Голоса из России» и «Колокол»¹ — если они у Вас есть под руками и пришлите ко мне с извозчиком, поглядев его но<омер>, а я его там отпущу. Книжки же послезавтра утром привезу к Вам лично. Я было привез к Вам на суд новое стихотворение² — да не застал, как видите, Вас дома.

Преданный Вам А. Фет.

Часа в три дня буду поджидать посланного. — А если нет — то на нет и суда нет. — Мой адрес все тот же на Малой Полянке у Петра и Павла д. *Сердобинской*.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 23300. Л. 11.

Время написания устанавливается предположительно, на основании московского адреса Фета — в доме Сердобинской на Малой Полянке Фет поселился во второй половине июня 1857 г. и прожил там до покупки Степановки в 1860 г. (проводя лето, как правило, в Новоселках). Возможно, интерес к изданиям Герцена и Огарева возник после возвращения из заграничной поездки в 1857 г., что подтверждается бумагой, на которой написано письмо (штемпель «ВАТН»). Следует отметить, что еще во время пребывания Фета во Франции в 1856 г. имя Герцена и, в частности, вопрос о его эмиграции, по-видимому, неоднократно упоминались в ходе разговоров и ожесточенных споров с Тургеневым, поддерживавшим тесные связи с лондонским изгнанником. Свое отношение к этому Фет красноречиво выразил в стихотворении «Под небом Франции, среди столицы света...» (1857). Тогда же, во время двухдневного приезда Фета в Куртавель, Тургенев передал ему адрес Герцена и экземпляр сборника его стихотворений 1856 года, который Фет вскоре переслал Герцену (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 122; *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1962. Т. 26. С. 47).

¹ «Голоса из России» — 9 сборников статей на общественно-политические темы, издававшихся Герценом и Огаревым в Лондоне в 1856–1860 гг. До августа 1857 г. вышло 4 книги (Фет, скорее всего, имеет в виду четвертую книгу, вышедшую в августе 1857 г., где были опубликованы стихи А. И. Одоевского, Л. А. Мея, В. С. Курочкина). «Колокол» — газета Герцена и Огарева, приложение к «Полярной звезде», выходил с 1857 (первый номер датирован 1 июля 1857 г.) до 1861 г.

² Какое именно стихотворение Фет имеет в виду, установить не удалось.

6

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

14 февраля 1868 г. Мценск

Мценск. 14 февраля.

Душевноуважаемый Михаил Николаевич!

В ответ на письмо Ваше от 7-го февраля спешу изъяснить полную готовность участвовать в предполагаемом Вами чтении в пользу нуждающихся на основании, Вами заявленном.¹ Кроме понедельников и вторников, я могу быть всегда в полном распоряжении Вашем и поэтому буду

ждать вызова в Орел² по моему всегдашнему адресу: на станцию Алисово.³

С совершенным почтением имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугой

А. Фет.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 23300. Л. 9.

Год устанавливается по содержанию письма, в частности, по упоминанию о литературном чтении, в котором М. Н. Лонгинов предложил участвовать Фету (подробнее см. примеч. 1 к наст. письму).

¹ Речь идет о благотворительном литературном чтении в пользу крестьян, пострадавших от голода в Орловской губернии, которые Лонгинов, занимавший в то время пост губернатора (1867–1871), намеревался устроить в Орле. О полученном от Лонгинова предложении принять участие в этом чтении Фет писал В. П. Боткину 19 февраля 1868 г., после возвращения из Мценска в Степановку: «Между тем Лонгинов приглашает меня на чтения в Орел. — Я дал слово, но что на мою долю достанется? Дай Бог, 300 р.» (*Переписка с Боткиным*. С. 512). Еще до обращения Лонгинова Фет был занят организацией благотворительного литературно-музыкального вечера в Москве, пытаясь собрать средства в пользу голодающих 3-го Мирового участка Мценского уезда. С этой целью он обращался в том числе к Л. Н. Толстому, В. П. Боткину, М. Н. Каткову и др., однако дело продвигалось туго. «Действительно отчаянное положение местных крестьян довело меня до самых тяжелых минут, — сетовал Фет в том же письме к Боткину. — Я подумал, неужели в России нет людей, а все пни, мертвые для всего человеческого. Неужели не все равно: умирают ли дети и взрослые под покровительством комитета или вне оного?» (Там же). Находясь во Мценске, как следует из упомянутого письма к Боткину, Фет обратился к М. Н. Каткову с письмом, в котором анализировал причины, приведшие к голоду, и предложил свой план помощи пострадавшим, разбивавшийся на две части — «благотворительную» и «коммерческую». Прежде всего, Фет сообщил о своем намерении «на второй неделе великого поста <...> открыть в Москве литературные чтения». Однако независимо от чтений, вторым шагом, который намеревался предпринять Фет, было ходатайство «о разрешении принимать от вкладчиков на десять годовых процентов деньги, которые будут мною раздаваться под расписки волосей» и которые в качестве мирового судьи Фет обязался «возвратить если не в течение одного, то в течение двух лет с причитающимися процентами». Это письмо было опубликовано в «Московских ведомостях» 13 февраля 1868 г. (№ 32) под заглавием «Письмо к издателям»; черновик письма, адресованный Каткову, сохранился в *РГБ*. См. републикацию этой статьи, а также программы вечера и отчета Фета о поступивших пожертвованиях: Неизвестные статьи А. А. Фета на страницах «Московских ведомостей» (1868–1872) / Публ. Е. В. Деревягиной // *Фетовские чтения (XVII)*. С. 27–31. Об организации чтений и их результатах см. также: *МВ*. Ч. 2. С. 169.

² По всей видимости, это чтение не состоялось.

³ Населенный пункт *Алисова* (Алисово), расположенный на р. Неручь на почтовом тракте из Орла в Ливны, находился в южной части Мценского уезда приблизительно в 9 км на юг от имения Фета Степановка. На трехверстной карте 1840-х гг. Алисова подчеркнута красной чертой, что означает наличие почтово-телеграфного учреждения (см.: Орловская губерния / Сост. Воен.-топогр. бюро. 1 : 126 000. СПб., 184[?]. Ряд XVI. Лист 14). За фактографическую справку приношу благодарность заведующей Отделом картографических изданий *РГБ* Людмиле Николаевне Зинчук.

7

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

2 июля 1871 г. Москва

Москва, 2 июля.

Я был у Кача и Орбека,
Молил, просил,
Не отыскалось человека
Продать чернил.

Хоть плачь, хоть требуй благородно,
Хоть их беси,
Дают чернил каких угодно —
Да не Plessy.

Коммуна-де, да Прусский Гений
Наслали бед,
Французских к нам произведений
В подвозе нет.

Теперь о Клио! понимаю.
Как их ...бли
С тоскою в сердце прилагаю
Здесь 2 рубли.

Но яд чернил к душе поэта
Не подноси!
В таможне ждут: к исходу лета
Придет Plessy.

А. Фет.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 23394. Л. 1.

Москва
 2 Июль.
 Я был у Кача и Орбека,
 Мошты, пращитъ,
 Неотысканной ревотка
 Продастъ серлеитъ.
 Катъ маръ, котъ ^{белороден} ~~требун~~
 Котъ ~~мѣ~~ ^{отен},
 Даромъ держитъ катитъ ^{угодн}
 Да не Рисфу.
 Кошмука ^{де}, ^{до} ^{трусей}, ^{Телитъ}
 Маеамъ ^{отъ},
 Французская ^{какъ} ^{князь} ^{принц} ^{велькин}
 Въ подвухъ ^{ититъ}.
 Теперь о Кино! ^{кошмоно}.
 Какъ ^{мѣ} ^{бим}
 Стѣекомъ ^{всердъ} ^{пртманъ}
 Зде ² ^{рубле}
 Но ^{отъ} ^{серлеитъ} ^{кадунъ} ^{тадр}
^{неподносеи}!
 Въ тамошнѣ ^{идутъ}: ^{въ}
^{мелду} ^{итма}
Приндентъ Рисфу. ^{Адриенъ}

Стихотворное послание Фета М. Н. Лонгинову «Я был у Кача и Орбека...»
 Автограф (ИРЛИ)

8

М. Н. Лонгинов — А. А. Фету

25 июля 1871 г. Архангельское

Афанасию Афанасьевичу Фету,
по получении его стихов, с возвращением двух рублей.

Хоть я не получил от Фета
Чернил — Plessy, —
Но ты, — благословен поэта,
О стих еси!

Бессмертных дочерей Мнемозины¹
Бесценный дар!
Ему Plessy, ализарины² —
Тщета и пар!

Длань Фебова³ его чертила
В душе певца,
Когда не знали — ни чернила,
Ниже резца.

Итак, не приходи в смущенье,
О Бога для,
Чтоб принесли мне огорченье
Те два рубля...

М. Лонгинов.

Село Архангельское.
25 июля, 1871.

Печатается по подлиннику: РГАЛИ. Ф. 515. Оп. 1. № 82. Л. 1–1 об.

¹ В др.-греч. мифологии *Мнемозина* — богиня памяти, мать девяти муз.

² *Ализарин* — растительная краска, добываемая из корня краппы или марены, на ее основе делались ализариновые чернила фиолетового цвета.

³ *Феб* — один из эпитетов покровителя искусств др.-греч. бога Аполлона.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Е. П. Ковалевский — М. Н. Лонгинову

Апрель 1868 г. Петербург

ОБЩЕСТВО
для пособия
нуждающимся
ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ

С. Петербург.
Апрель 1868 г.

Милостивый государь
Михаил Николаевич.

При основании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в 1859 году, Вы были одним из его членов учредителей.

За сделанным Вами в кассу Общества взносом в размере 10 рублей в год за Вами числится в настоящее время недоимка за *восемь лет*.

Комитет, заведующий делами Общества, озабочиваясь умножением денежных средств ввиду возрастающего числа просителей, позволяет себе надеяться, что ради благотворительной цели Общества Вы не откажете ему в своем благосклонном содействии к пополнению литературного фонда.

Если Вам угодно будет ныне же внести подателю сего письма состоящую за Вами недоимку или часть оной, то Вы получите от него расписку. Если по каким-либо обстоятельствам Вы найдете более для себя удобным отсрочить уплату всей суммы, или разложить ее по частям, или уменьшить Ваши ежегодные взносы до низшего размера, определенного §4 Устава, то не благоугодно ли Вам будет, милостивый государь, сообщить о том подателю письма, или в комитет, или казначею Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. В случае же, если бы, к крайнему сожалению, Вам угодно было сложить с себя звание члена Общества, то Комитет покорнейше просит Вас сделать о том отметку на настоящем письме и возвратить оное подателю.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Председатель
Е. Ковалевский.

М. Н. Лонгинов — Е. П. Ковалевскому

Апрель 1868. Орел (?)

Несколько лет тому назад, когда я жил в Москве, мне предложено было, не помню кем, принять участие в учреждении Московского отдела открывавшегося тогда Общества для пособия нуждающимся литераторам, на что я изъявил согласие. Засим предположение это, о котором шли, сколько припомню, долгие переговоры, не осуществилось и открыто было Общество в Петербурге, о действиях коего я знал только, видя изредка известия о них в газетах, не принимая в них участия после переговоров при первоначальном его образовании, о коих сказано выше. Я не считал себя вовсе в числе членов, еще живя в Москве, а тем более не считаю себя таковым теперь, о чем и имею честь уведомить Общество.

М. Лонгинов.

Печатается по подлиннику: РГАЛИ. Ф. 299 (Лонгиновы). Оп. 1. № 23.

Текст отношения Литературного фонда печатный, выделенное курсивом вписано от руки. Рукописный ответ Лонгинова — на обороте отношения.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

А. П. Заблоцкий-Десятовский — А. А. Фету

13 мая 1868 г. Петербург

ОБЩЕСТВО
для пособия
нуждающимся
ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ

С. Петербург.
13 мая 1868 г.
№ 511

Милостивый государь
Афанасий Афанасьевич.

При основании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в 1859 году, Вы были одним из его членов учредителей.

За сделанным Вами в кассу Общества взносом в размере 10 рублей в год за Вами числится в настоящее время недоимка за *восемь лет*.

Комитет, заведующий делами Общества, озабочиваясь умножением денежных средств ввиду возрастающего числа просителей, позволяет себе надеяться, что ради благотворительной цели Общества Вы не откажете ему в своем благосклонном содействии к пополнению литературного фонда.

Если Вам угодно будет ныне же внести подателю сего письма состоящую за Вами недоимку или часть оной, то Вы получите от него расписку. Если по каким-либо обстоятельствам Вы найдете более для себя удобным отсрочить уплату всей суммы, или разложить ее по частям, или уменьшить Ваши ежегодные взносы до низшего размера, определенного § 4 Устава, то не благоугодно ли Вам будет, милостивый государь, сообщить о том подателю письма, или в комитет, или казначею Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. В случае же, если бы, к крайнему сожалению, Вам угодно было сложить с себя звание члена Общества, то Комитет покорнейше просит Вас сделать о том отметку на настоящем письме и возвратить оное подателю.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Помощник Председателя
А. Заблоцкий-Десятовский.

Г. члену Общества
А. А. Фет.

А. А. Фет — А. П. Заблоцкому-Десятовскому

2 июля 1868 г. Степановка

Хутор Степановка.
Июля, 2 дня.

В 4§ устава Общества звание члена обуславливается ежегодным или единовременным взносом. Прекратив ежегодные взносы, я тем самым фактически сложил с себя звание члена. О побудительных к тому причинах я имел честь лично объяснить бывшему казначею Общества П. М. Ковалевскому.

А. Фет.

Печатается по подлиннику: РГАЛИ. Ф. 515 (А. А. Фет). Оп. 1. № 41.

Текст отношения Литературного фонда печатный, выделенное курсивом вписано от руки. Ответ Фета — на обороте отношения.